

Р.Г. Апресян

О ценностной составляющей легитимности власти

Основные темы, которые затрагиваются в теоретических обсуждениях легитимности власти, – согласие народа с существующей властью, критерии и средства достижения легитимности – можно по-разному интерпретировать. С одной стороны, это фокусы проблематизации легитимности власти; с другой – аспекты самого данного феномена; с третьей – исследовательские подходы к изучению легитимности, более того, различные концепции легитимности. Впрочем, рассматривая эти положения как аспекты легитимности, мы не можем не видеть, что они однозначно коррелируют с известными теориями легитимности. Представление о согласии народа на существующее правление – с теорией легитимности Дж. Локка, а также с некоторыми моментами в теории М.Вебера; представление о критериях, в соответствии с которыми это согласие выражается, – с теориями, предложенными Д.Битэмом и П.Стилманом; представление о средствах легитимации – с теорией М.Вебера. И эти персонально определенные концептуализации должны учитываться, в каком бы плане феномен легитимности ни рассматривался.

Классики социальной мысли Джон Локк и Макс Вебер по праву считаются основоположниками проблематики легитимности и легитимации власти. Концепции этих мыслителей различны. Но отнюдь не тем, что концепция Локка неявная, поскольку идея легитимности не имеет в ней соответствующего терминологического выражения¹, а Вебер предложил само понятие «легитимность» для характеристики политической власти и общественного порядка. Локк и Вебер задали разные проекции рассмотрения этого фено-

мена. Для Локка легитимность – это характеристика правления в глазах общества, для Вебера – это характеристика самого правления, способа его осуществления, один из аспектов позиционирования властью себя обществу.

Два положения Локка заслуживают внимания: а) полномочия правителя (Локк говорил о короле Вильгельме) подтверждаются «согласием народа», которое «одно есть основа всякого законного правления»²; б) действия политической власти оправдываются их направленностью к общественному благу³. Очевидно, для Локка неактуально разделение легальности и легитимности; в первом тезисе он говорит об основе именно легальности власти. Он еще не задумывается о возможности утверждения общественного блага на основе незаконной власти, т. е. о возможной легитимности при нелегальности. Но выделенные им критерии – согласие народа⁴ и общественное благо – исключительно важны, в особенности для этического рассмотрения легитимности⁵.

Указания на различие легитимности и легальности давно стало общим местом в специальной литературе. Хотя это различие можно считать очевидным, его повторяющаяся акцентация не лишена смысла, поскольку в частных и ситуационных исследованиях нередко можно встретить неявное смешение легальности и легитимности. Вместе с тем в литературе, в особенности юридической направленности, легитимность трактуется как социально-психологическая характеристика. Стало быть, согласие или несогласие народа трактуется как то или иное, более или менее ситуативное выражение мнения народа. Ценностные и принципиальные основания народного мнения отступают при таком взгляде на задний план. Между тем слова Локка о том, что согласие народа есть единственная основа всякого законного правления, наводят на мысль, что речь должна идти не просто об общественном мнении, говоря современными словами, но о некотором образом обосновываемом и объективируемом, если не сказать институционализируемом общественном мнении.

Вебер, в отличие от Локка, говорит о «вере в легитимность [господства]»⁶. Некоторые комментаторы полагают, что у Вебера легитимность есть характеристика не столько социальной системы, сколько именно отношения граждан к ней, причем такое, которое выражается в вере⁷. Это наблюдение заслуживает внима-

ния. Но все же трудно не увидеть, даже при том, что у Вебера нет четкого определения легитимности, что он рассматривает веру главным образом как объект воздействия со стороны господства [Herrschaft]: «Каждое господство старается возбудить веру в свою “легитимность”»⁸, – и в понимании легитимности делает акцент в конечном счете на повиновении и различии его типов в соответствии с тактиками легитимации, осуществляемыми господством с целью достижения повиновения граждан. Это не значит, что Вебер недооценивает согласия или признания власти гражданами. Разъясняя разновидности легитимности – рациональную, традиционную и харизматическую⁹ – посредством описания различных типов господства, Вебер по сути указывает на разнообразие возможных «поводов» для согласия и, стало быть, послушания, задаваемых существующим социальным порядком и принятыми способами правления. Факторы утверждения легитимности власти, будь то власть, основанная на законодательстве и рациональном порядке, святости традиции или вере в личность правителя, содержательно различны, но сила и устойчивость легитимности того или иного конкретного общества от этих факторов не зависит.

Теоретическое богатство веберовской концепции легитимности особенно раскрывается при внимании к различиям между легитимностью и легитимацией. Казалось бы, это отличие очевидно: легитимность, как было сказано, это характеристика власти и властных институтов с точки зрения соответствия результатов их активности ожиданиям и ценностным установкам общества. Легитимация – это деятельность по обеспечению легитимности, осуществляемая самой властью. Поскольку последняя заинтересована в достижении и повышении легитимности самой по себе, постольку она может стремиться к обеспечению легитимности наиболее эффективными методами. При разных типах правления власть проводит разные стратегии легитимации. При деспотическом – признание легитимности ожидается со стороны довольно узкого круга лиц и групп – со стороны других правителей, которых деспотический правитель признает в качестве значимых, со стороны элит своей страны, если они еще существуют, и других стран, если это необходимо, и даже со стороны народа, при довольно абстрактной репрезентации последнего. Бюрократические режимы нуждаются в легитимности со стороны не только элит, но и

бюрократии. Популистская власть ищет легитимности со стороны народа в лице различных его групп¹⁰. Легитимность как цель деятельности по легитимации представляется правителями именно в форме лояльности элит, групп интересов или граждан, их одобрения правителей и проводимого ими курса, публично демонстрируемой поддержки и любви, а также в форме признания и расположения со стороны руководителей других стран. Соответственно, средствами легитимации оказываются техники PR, пропаганды и манипуляции общественным мнением, из чего можно сделать вывод, что легитимация как таковая – это предмет заботы политиков; как ценностный феномен она тривиальна и не представляет интереса для аксиологического анализа.

Согласно Веберу, господство и подчинение могут обеспечиваться не только посредством легитимации, но также и силой обычая, и материальной заинтересованностью, и эмоциональной приверженностью, и идеальными мотивами. Вебер в связи с этим не говорит о насильственном принуждении граждан к повиновению. Но легитимность как раз указывает на добровольность. Легитимность – это именно моральная характеристика правления, и в этом своем качестве она напрямую перекликается с «согласием народа» Локка. Добровольность повиновения или «согласие народа» – существенный критерий, так как предостерегает от предположений, согласно которым легитимность власти может основываться, наряду с убеждением, и на насилии¹¹. При таком предположении, скорее всего, смешивается легитимность и господство. Добровольное согласие является одним из способов не легитимации, а осуществления власти; другим способом является принуждение, при котором согласия не требуется. Политическая власть действительно может рассчитывать на солидарность народа, а может игнорировать неготовность народа сотрудничать, продолжая действовать вопреки его несогласию. Понятие легитимности и необходимо для идентификации различных политических порядков и способов правления. Поэтому нравственно неоправданными следует считать те из них, которые не встречают согласия народа.

Принято считать, что Локк говорит о стандартах легитимности, а Вебер – о ее социально-политических условиях и средствах обретения. Исходя из этого, можно считать, что локковский подход – нормативный, в то время как веберовский – эмпириче-

ский. Это так и не так. Достаточно посмотреть на некоторые главы «Второго Трактата о правлении», чтобы увидеть, что Локк не только строит общую политическую теорию, но и говорит на уровне политического опыта своего времени именно об условиях и средствах обретения легитимности (рассматривая к тому же и свое произведение как вклад в дело легитимации власти короля Вильгельма). И Вебер представляет легитимное господство в виде «чистых типов». Это своего рода идеальные представления; они не задают нормативный стандарт, но, несомненно, представляют определенные ценностные модели.

Такое понимание Локка и Вебера делает возможным и оправданным рассмотрение их представлений о легитимности как взаимно дополнительных. Это позволяет отнести к легитимности как предмету конкурентных отношений между государством и обществом. Конкурентность свойственна и отношениям внутри каждой из этих сторон – как обществу, так и государству: обществу в той мере, в какой оно состоит из достаточно широкого разнообразия групп интересов и пристрастий; государству в той мере, в какой власть, если она не абсолютна и не сводима к единой вертикали, выступает не только в виде различных агентств и служб, но и порой в лице различных персон. Однако как конкуренция складывается из противоборства и соглашений, так и легитимность оказывается результирующей противостояний и согласий между государством и обществом.

Из теории Вебера можно сделать вывод, что легитимность – это не только ценностная, но и функциональная характеристика, а нередко и ситуационная. В качестве примера можно привести опыт стран Балтии, в которых после обретения – с распадом СССР – независимости и в процессе формирования на протяжении 1990-х гг. национальных демократий исполнительная власть отличалась неустойчивостью. Эти годы были отмечены в Латвии, Литве и Эстонии многократной сменой правительств¹². Происходили они по разным причинам – экономическим, политическим, идеологическим. Но всегда мотивом вотума недоверия (выражавшегося парламентом или президентом) была утрата правительством легитимности. При этом делегитимация кабинетов министров никогда не означала делегитимации существующей системы правления и не ставила под вопрос легитимность наличного политического режи-

ма. Режим демократичен, если у граждан и их представителей есть возможность при необходимости выразить свое недоверие правительству или другому институту власти или власти в целом, продемонстрировав таким образом свое мнение об их нелегитимности.

Впрочем, политический опыт показывает, что важным является и способ реализации этой возможности, как и то, в какой форме это недоверие (или, наоборот, доверие) выражается. Любопытно с этой точки зрения, например, данные российских социологических опросов, касающиеся различных аспектов политических, общественных и индивидуальных проблем. Понятно, что данные социологических опросов показывают состояние, условно говоря, политического бессознательного. Какие «показатели» доверия и недоверия обнаружат граждане в реальных политических акциях, сказать почти невозможно. Как свидетельствует опыт, лучше всего развит инструментарий мониторинга потребительских предпочтений, и он оказывается уместным, когда политические ожидания и предпочтения функционируют по типу потребительских, т. е. в периоды политической стабильности, причем глубоко эшелонированной. Однако они не эффективны для диагностирования тенденций в оппозиционных и протестных настроениях. Так, насколько можно судить, ничего не известно о замерах общественного мнения в арабских странах в ноябре–декабре 2010 г. или даже в первой половине января 2011 г., которые подсказывали бы возможность народных восстаний, начавшихся в Йемене, Египте, Бахрейне, Сирии, Ливии уже во второй половине января и в феврале, так скороотечно изменивших существовавшие десятилетиями в этих странах политические ландшафты. Можно сказать, что это были авторитарные государства со слабыми демократическими институтами, а то и фактическим отсутствием таковых (как в Ливии и Сирии), с ограниченной или отсутствующей свободой слова и с подавлением возможности для граждан выражать свое мнение. Но возьмем Францию, трижды за последнее десятилетие потрясаемую молодежными волнениями, причем не только социально-этническими, но и студенческими. Какие опросы общественного мнения предупреждали о возможных выступлениях и настроениях, подталкивающих к ним? Так что опросы общественного мнения, обнаруживая определенные индексы доверия и недоверия, могут указать на тенденции в общественном развитии. Но они не являются полити-

ческим фактом. Хотя политическое значение этих индексов минимально, если не ничтожно, они тем не менее могут способствовать пониманию некоторых проявлений легитимности власти в их соотнесенности с политическим и социальным опытом людей.

Так, в России на протяжении первых трех месяцев 2011 г. наблюдалось ощутимая отрицательная динамика в индексах доверия к первым лицам государства¹³, ведущим представителям и институтам власти¹⁴. Общая картина дополнялась прогрессивной динамикой протестных настроений¹⁵. По всем приведенным вопросам количество соответствующих негативных ответов росло соразмерно снижению числа позитивных. Как отмечали многие обозреватели и аналитики, снижение этих индексов можно рассматривать как отклик на неблагоприятные тенденции в экономике и в частности в потребительском секторе, явно наблюдавшиеся в предшествующие месяцы¹⁶. При этом на протяжении всего 2010 г. индекс доверия к первым лицам и институтам власти сохранялся стабильно высоким, в том числе в августе-сентябре, когда социологические опросы могли уже зафиксировать снижение общественных настроений в результате длительной аномальной жары, во многих местах усугубленной изнурительным смогом, распространявшимся от горящих лесов.

Пожары уничтожили огромные массивы леса, стерли с лица земли десятки поселков, оставив без крова тысячи людей. Продолжительный смог вкупе с жарой унесли многие жизни, а затем на протяжении осени и зимы напоминали о себе обострением хронических заболеваний, затяжными простудными заболеваниями и безвременными смертями еще большего числа людей. Понятно, что правительство не несет ответственности за экстремальные погодные явления. Но масштаб пожаров мог быть гораздо ниже, а борьба с ними гораздо эффективнее, если бы за три года до того решением Президента не был изменен Лесной кодекс России таким образом, что с ликвидацией устаревшей системы лесного хозяйства, а вместе с ней и лесничеств не была сведена на нет существовавшая система лесной пожарной безопасности. Наверняка она была неэффективна и высокочатратна. Но будучи уничтоженной, она фактически ничем не была заменена, что и стало одной из предпосылок случившейся экологической и гуманитарной катастрофы. Ее политический фактор активно обсуждался в Интернете

и печатных СМИ; внимательные зрители могли сделать вывод о политической составляющей навалившейся беды и из новостных передач телевидения. И тем не менее это никак не сказалось на уровне одобрения/неодобрения российскими гражданами ни высших и региональных руководителей, ни властных институтов.

На протяжении второй половины 2010 г. случались и другие драматические события, получившие широкий общественный резонанс, но, судя по рейтингам одобрения/неодобрения, общественное мнение не посчитало их критическими для своего отношения к власти.

При том, что россияне избирательно позитивны в отношении первых лиц государства, они, как показывают другие индексы общественного мнения, в целом негативно оценивают положение дел в стране¹⁷. Это может быть обусловлено принципами пропагандистской политики на федеральных каналах телевидения. С одной стороны, телезрителей постоянно снабжают негативной информацией по всему спектру новостного ряда, с другой – в этом спектре есть исключение, и оно касается информации о первых лицах и ведущих представителях правящей группы. Однако можно предположить и другое: данные, подобные вышеприведенным, представляют собой рейтинги доверия, исследования же электоральных рейтингов демонстрируют показатели, существенно ниже рейтингов доверия¹⁸. Что же считать подтверждением со стороны граждан легитимности власти – уровень одобрения/неодобрения правителей или готовности поддержать их на ближайших выборах?

Эти данные опросов общественного мнения наталкивают на ряд общих вопросов, касающихся смысла народного согласия. Что оно значит, т. е. в каких формах ожидается его выражение? Согласие с чем и на что ожидается у народа – с отдельными политиками, с правительством, с государственными институтами, с режимом как таковым? Отдельный вопрос касается того, кто вопрошает о согласии народа – правители, сторонние (заинтересованные или незаинтересованные) наблюдатели, исследователи? В какой мере люди как те, кто составляет народ, политически и жизненно опытные, чтобы, выражая свое согласие или отказывая в нем, адекватно понимать собственное благо как общее благо и ради этого блага повиноваться власти? Насколько их согласие *информированно*? Какая степень консолидированности народа

необходима, чтобы выражение несогласия можно было признать репрезентативным? Какие его формы оказываются наиболее убедительными, опять-таки, для правителей, для сторонних наблюдателей и исследователей?

Перед нами странная социальная картина. Люди достаточно высоко оценивают верховных лидеров, причем выше, чем свое положение, которое тоже в общем оценивается положительно¹⁹, и довольно низко – положение дел в большинстве сфер общественной жизни, которое, собственно говоря, должно восприниматься как результат деятельности высших руководителей и функционирование существующего режима в целом.

Некоррелятивность по схожим вопросам оценок личного, семейного положения, с одной стороны, и оценок положения в обществе может свидетельствовать о внутренней разорванности ценностного сознания россиян, об атомизированности массового индивидуального сознания и его социально-политической индифферентности. Относительно высокая оценка руководителей при относительно низкой оценке политик и институтов говорит о том, что, с одной стороны, люди не желают видеть связи между должностью политика и проводимыми при его правлении политиками; а с другой – для людей сама по себе верховная должность оказывается основанием достоинства того, кто ее занимает. И это может быть признаком авторитарности сознания россиян.

Локка можно понять и так, что люди выражают свое согласие, соотносясь со своим представлением об общем благе. Однако его слова о том, что согласие народа есть единственная основа всякого законного правления, предполагают, что нам следует говорить не просто о народном мнении, но и определенным образом обоснованном и различным образом аргументированном народном мнении. Более того, нам следует пересмотреть наши представления о «народе» и «согласии», чтобы допустить неоднородность в том, что закрепляется идеей «народ», даже когда мы говорим о «простом народе», и внутреннюю дифференцированность «согласия», когда речь идет о «согласии народа».

Очевидно, что разные социальные группы по-разному воспринимают власть в ее различных проявлениях. Власть со своей стороны в разных социально-политических условиях проявляет разную степень чувствительности по отношению к мнению народа. В лю-

бом обществе существуют группы, особенно остро чувствующие несогласие с властью и готовые при возможности активно выразить его. И власть проводит дифференцированную политику легитимации, не одинаково ценя расположение к ней различных социальных групп. Легитимность не предполагает единодушия, хотя и не исключает его в какие-то периоды времени (вряд ли длительные) даже в демократическом обществе. Мера минимальной степени консолидации народа в вопросе об общественном благе при выражении отношения к власти, очевидно, может варьироваться в зависимости от типа общества и конкретных условий в нем. Так что «согласие народа» и «общественное благо» – концепты, вполне приемлемые в качестве общих этических принципов легитимности. Однако они нуждаются в конкретизации и формализации.

В современном дискурсе легитимности речь по умолчанию идет, как правило, о демократическом правлении и о легитимности рационально-легального типа. Между тем Вебер подчеркивал, что предложенные им типы являются «чистыми» и в этом смысле абстрактными. В реальной же политической практике сплошь и рядом происходят смешения и «разбавления» типов легитимности. В послевеберовской политической науке наряду с многочисленными опытами эмпирической проверки веберовской типологии легитимности, а во многом благодаря им предложенная Вебером схема стала подвергаться трансформации. По мнению М.Догана, политическое развитие мира после Второй мировой войны скорее свидетельствует о том, что веберовская схема не всегда находит эмпирическое подтверждение. На этом основании он делает вывод о том, что она фактически устарела²⁰. Главным аргументом против веберовской типологии легитимности для Догана является то, что она не учитывает внутренней глубокой связи между легитимностью и демократией. Это утверждается на основе предположения, что именно демократические и мягко авторитарные страны являются легитимными. В этих странах действует некая «легально-рационально-бюрократическая» легитимность в соответствующих национальных особенных воплощениях. Традиционную же или харизматическую легитимность более нельзя нигде встретить. В странах, где господствуют жесткоавторитарные и тоталитарные режимы, особенно в тех из них, которые находятся на низкой стадии экономического развития, вопрос о легитимности вообще не стоит: о ней, по мнению

Догана, не задумываются ни правители, ни граждане, которые угнетены тяжелым экономическим положением, а также нередко политическими репрессиями и не задумываются о легитимности. Доган очень точно замечает, что «нельзя утверждать, что режим является легитимным только потому, что он открыто не оспаривается»²¹. Но соответственно должно быть справедливо и обратное: нельзя признать некий режим нелегитимным, если он не оспаривается, и нельзя признать режим велегитимным, если граждане страны, где он действует, не задумываются о легитимности. Здесь можно применить принцип незаинтересованного или идеального наблюдателя, с позиций которого некий режим может быть признан легитимным или нелегитимным независимо от того, что думают о нем граждане страны. Однако для этого необходима операционализация понятия легитимности и выявление некоторых объективных ее показателей, работающих независимо от того, каково отношение к ним граждан страны, в какой мере они осознают свое гражданство и готовы ответственно его осуществлять.

Традиционное обсуждение легитимности, референтное главным образом Локку и Веберу, могло бы быть обогащено идеями, предложенными в последние десятилетия, в частности, упоминавшимся уже П.Стилманом и Д.Битэмом. Так, Стилман показывает возможные теоретические предпосылки операционализации понятия легитимности. Он переосмыслил легитимность как характеристику правления, в которой результаты его деятельности совмещаются с ценностной моделью общества²². Последняя включает в себя иерархизированный и специфицированный набор ключевых ценностей. Стилман, воспользовавшись схемой так называемых «ценностей Лассуэлла»²³, указывает на власть, уважение, честность, привязанность, благополучие, благосостояние, умения, образованность и т. д. Конфигурация ценностной модели может варьироваться, но она должна быть достаточно стабильной, во всяком случае, в своей центральной части, иначе ее нельзя будет использовать в качестве критерия оценки результатов правления²⁴. Под этим Стилман подразумевает не только принятые государством законы, но и всякие действия правительства, которые имеют какое-либо значение для общества, например, объявление войны, подавление мятежей, указы и т. д. Легитимность, подчеркивает Стилман, определяется именно соответствием последствий предпринимаемых

правительством действий ценностной модели общества. Результаты правления должны быть совместимы не только с ценностной моделью общества в целом, но и с ценностными моделями других социальных систем, индивидов, а также других обществ. Последнее надо принимать во внимание в той мере, в какой они могут оказываться предметом воздействия (непрямого и ненамеренного) решений данного правительства²⁵. Преимущество своего подхода Стилман видит в том, что феномен легитимности освобождается таким образом от влияния субъективных факторов, типа убеждений и мнений людей или общественного мнения. Однако важно и указание Стилмана на то, что в той мере, в какой в обществе могут существовать различные ценностные модели, коррелятивные тем или другим социальным системам, и власть может представлять легитимной для одних групп и нелегитимной для других. Отсюда следует, что в случае отдельных направлений правительственной политики, имеющих непосредственный эффект для определенных социальных систем, легитимность политики должна оцениваться в соответствии с ценностными моделями этих социальных систем.

Применение набора ценностей Г.Лассуэлла предполагает учет конкретной конфигурации, которую они получают в том или другом социуме. Очевидно, что в разных обществах качественное наполнение и уровень критериев по этим ценностям будет различным. Так что легитимность – это характеристика, во многом контекстуализированная во времени, и при ее определении необходимо учитывать ретроспективные и перспективные векторы. Не исключено, если принять во внимание выявленное рассогласование общественных и личных предпочтений, что в российском обществе нет относительно целостной и тем более консолидирующей общество ценностной модели.

Со своей стороны Д.Битэм, не будучи удовлетворенным веберовской теорией легитимности как выражения убеждений людей и стремясь установить объективный критерий легитимности, независимый от общественного мнения, предлагает в качестве такого следующее. Власть можно считать легитимной, если она соответствует установленным нормам, если они могут быть обоснованы убеждениями, разделяемыми правителями и подданными/гражданами, и если очевидно наличие согласия подданных/граждан с существующим режимом правления. Так что, по Битэму, власть

и народ представляют собой взаимно ориентированных и сотрудничающих агентов. Содействуя общественной дисциплине и партнерству, легитимность способствует укреплению порядка и стабильности в обществе²⁶.

Было бы интересно построить опросники по изучению общественного мнения на подобной теоретической основе. Это могло бы стать условием получения более достоверных и специальных данных, касающихся легитимности. Однако дальнейшее исследование легитимности российской власти потребует прояснения, говоря в терминах Стилмана, ценностной модели, присущей современному российскому обществу. С учетом обнаруженного расхождения в общественных и личных предпочтениях оправданно было бы предположение, что в российском общественном мнении сегодня трудно обнаружить относительно общую и объединяющую ценностную модель.

Пониманию характера легитимности в современной России мог бы способствовать анализ Доганом мировых тенденций к единообразию в формах легитимации власти. Не вызывает сомнения, какой тип легитимности является в наше время доминирующим. Если говорить в терминах Догана, «легально-рационально-бюрократический». Однако нет никаких оснований отказываться от идеи типологического разнообразия феномена легитимности – ради более полного и внятного понимания различных политических процессов в разных странах мира. Например, современному российскому политическому ландшафту свойствен смешанный и в своей смешанности аморфный тип легитимности. В нем есть – в веберовской терминологии – элементы рациональной легитимности, но доминирует традиционный тип с флуктуирующей харизматической легитимностью.

В целом же следует отметить, что понятие легитимности не является инструментом ценностной институционализации российской власти. Ввиду симулятивности избирательного процесса, неоформленности и невыраженности общественного мнения, непрозрачности принимаемых на всех уровнях решений, закрытости власти от общества и в этом смысле недостаточной публичности публичной политики строгая квалификация легитимности российской власти пока неактуальна. И в общеполитическом дискурсе концепт «легитимность» не задействован. В нем не нуждается

ни новостная, ни репортажная, ни аналитическая журналистика. В нем не заинтересованы политтехнологи. И то, что этот концепт не был до сих пор операционализирован, также говорит о его «непристроенности»; видимо, политтехнологи используют какой-то другой лексикон для работы с этим феноменом.

Вместе с тем, судя по русскому дискурсивному пространству, этот термин используется, так сказать, интеллектуальными публицистами, пишущими на политические темы. Понятно, что используется довольно нестрого. Как термин из словаря политической науки, концепт легитимности нуждается в более тщательной разработке. Осмысление ценностных аспектов феномена легитимности, ценностный анализ ее механизмов будет способствовать обогащению политического и социально-этического дискурса и обеспечению общества важным инструментом для нормативного анализа власти и общественного контроля над ней.

Примечания

- ¹ В «Двух трактатах о правлении» Дж.Локк как будто лишь однажды употребляет термин «legitimation», а именно в § 123 первого Трактата, говоря о правах жены и наложницы на наследство (*Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Соч.: В 3 т. / Ред.: И.С.Нарский, А.Л.Субботин. Т. 3. М., 1988. С. 230.*)
- ² *Локк Дж. Два трактата о правлении // Указ. изд. С. 137.*
- ³ Дж.Локк говорит следующее: «...Политической властью я считаю право создавать законы, предусматривающие смертную казнь и соответственно все менее строгие меры наказания для регулирования и сохранения собственности, и применять силу сообщества для исполнения этих законов и для защиты государства от нападения извне – и все это только ради общественного блага» (Там же. С. 263). По-своему Локк развивает идею, высказанную еще английским юристом XV в. Джоном Фортескью (John Fortescue), утверждавшим, что законность королевской власти обеспечивается ее соответствием интересам подданных. Именно в таком виде эта идея была воспринята Дэвидом Юмом, считавшим, что «непосредственной санкцией правительства» является заинтересованность людей «в безопасности и защите» (*Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Соч.: В 2 т. Т. I / Пер. с англ. С.И.Церетели и др.; вступ. ст. А.Ф.Грязнова; примеч. И.С.Нарского. 2-е изд., М., 1996. С. 589.*)
- ⁴ Полагаю, что встречающиеся в современной литературе показатели легитимности, такие как признание власти, признание ее авторитетной, правомерной и справедливой, избыточны. Идея согласия народа и означает признание им власти, ее авторитета и принимаемых ею мер как правомерных и справедливых.

- ⁵ По-видимому, целесообразно выделение различных типов легитимности по принципу критерия. Политико-правовая трактовка легитимности соотносит правление с конституцией и международными правовыми документами, проверяя его на соответствие принципу верховенства закона (Близкое понимание легитимности развивается в: *Завершинский К.Ф.* Легитимность: генезис, становление и развитие концепта // Полис. 2001. № 2. С. 130). Этическое понимание легитимности связывает ее с отношением народа к правлению и проводимым им политикам в плане его совместимости с разделяемым представлением об общественном и частном благе.
- ⁶ *Weber M.* Economy and Society / Ed. G.Roth; C.Wittich. Berkeley, 1978. P. 213.
- ⁷ *Wæraas, Arild,* On Weber: Legitimacy and Legitimation in the Public Relations // Public Relations and Social Theory: Key Figures and Concepts / Ed. Øyvind Ihlen, Betteke van Ruler, Magnus Fredriksson. N.Y., 2009. P. 308.
- ⁸ *Weber M.* Economy and Society. P. 213.
- ⁹ Ibid. P. 215–216.
- ¹⁰ О неоднородности «целевых групп» легитимации см.: *Barker R.* Legitimizing Identities: The Self-Presentations of Rulers and Subjects. Cambridge, 2001, P. 70–71.
- ¹¹ *Баранов Н.А.* Политические отношения и политический процесс в современной России. СПб., 2003. С. 52.
- ¹² *Скинперских А.В.* Легитимация и делегитимация постсоветских политических режимов: Монография. Елец, 2006. С. 15.
- ¹³ Мартовские рейтинги одобрения и доверия, 24.03.2011, Левада-центр, <http://www.levada.ru/press/2011032401.html>.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Уровень протестных настроений // Доминанты № 08, 24.02.2011, Фонд Общественное Мнение, <http://bd.fom.ru/pdf/d08yupn11.pdf>.
- ¹⁶ Состояние российской экономики // Доминанты № 10, 10.03.2011, Фонд Общественное Мнение, <http://bd.fom.ru/pdf/d10sre11.pdf>; Динамика цен // Доминанты № 13, 31.03.2011, Фонд Общественное Мнение, <http://bd.fom.ru/pdf/d13dc11.pdf>.
- ¹⁷ См. Всероссийский опрос ВЦИОМ, 05.06.2010, http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=678&q_id=49030&date=05.06.2010; Отношение россиян к судебной системе: Первая волна всероссийского репрезентативного опроса населения: Отчет / Отв. исполнитель Л.Д.Гудков. М., 2010; *Синельников А.Б.* Влияние демографического статуса и семейного положения на общественное мнение о системе здравоохранения // Социальные аспекты здоровья населения (Электронный журнал), <http://vestnik.mednet.ru/content/view/256/27/>; Здравоохранение // Левада-центр, <http://www.levada.ru/community.html>; Оценка россиянами качества отечественного образования // Пресс-выпуск, 10.08.2010, Левада-центр, <http://www.levada.ru/press/2010083006.html>; Состояние армии: мониторинг // Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1694, 21.02.2011, <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=111383>;
- ¹⁸ *Белановский С., Дмитриев М.* Политический кризис в России и возможные механизмы его развития. М., 2011. С. 9–10.
- ¹⁹ См. Россияне об удовлетворенности жизнью, 18.02.2011 // Левада-Центр, <http://www.levada.ru/press/2011021804.html>.

- ²⁰ *Доган М.* Легитимность режимов и кризис доверия // Социол. исслед. 1994, № 6. С. 148.
- ²¹ Там же. С. 149.
- ²² *Stillman P.* The Concept of Legitimacy // Polity. 1974. Vol. 7. № 1. P. 39.
- ²³ См. *Lasswell H., Kaplan A.* Power and Society. New Haven, 1950, в особенности гл. IV и V. Цит. по: *Stillman P.* Op. cit. P. 39.
- ²⁴ Стилмана можно так понять, что он обратился к ценностям Лассуэлла в качестве примера. Глядя на этот набор, легко увидеть, что он нуждается в обновляющем дополнении. На мой взгляд, в нем должны быть представлены политические, гражданские, экологические, международно-политические ценности.
- ²⁵ Интересен в связи с этим пример Михаила Горбачева, оценки которого как инициатора перестройки и нового мышления существенно различаются в мире и в России, что проявилось и в том, как в марте 2011 г. было отмечено его 80-летие в России (неформально, частной вечеринкой, пусть и не в узком кругу) и за рубежом (благотворительным концертом мирового уровня в Альберт-Холле в Лондоне). Результаты деятельности Горбачева для мира по всем параметрам совместимы с ожиданиями и ценностными установками элит и публики западных обществ. И наоборот, результаты его деятельности для СССР и в частности России воспринимаются как в основном негативные. В 2010 г., 25 лет спустя после начала политики перестройки, 41% опрошенных считали, что лучше бы она не начиналась, и 38% с ними не соглашались, при 20% затруднившихся ответить (в 2000 г. мнения распределились соответственно: 50 %, 40 %, 10 %; в 1996 – 52 %, 41 %, 7 %). См.: Россияне о Перестройке: негативные оценки теряют актуальность? // Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1445, 09.03.2010, <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=13258>.
- ²⁶ См. *Beetham D.* The Legitimation of Power. Atlantic Highlands (NJ), 1991. P. 35.